

— ...Говорят, что такой великий лекарь, как вы, везде будет пользоваться уважением. Здесь же, в этой глуши, слишком тяжело, и люди, увидев, что в доме ничего нет, сильно переживали. Некоторые даже хотели принести вам постельные принадлежности и дрова, но я с трудом их отговорил.

Нин Чаньюань огляделся и заметил, что комната уже не была такой пустой, как вчера.

В углу стояли несколько старых столов и стульев, лежали запасы риса, а на стене висел небольшой кусок соленого мяса.

— Я говорил, что не нужно, но они настояли.

Мо Ли не чувствовал неловкости. Ведь после их отъезда все это останется местным жителям.

— Возьмите, сделайте лепешки и сушеное мясо, это пригодится в пути, — посоветовал Нин Чаньюань. — В юго-западной части провинции Юн девять из десяти домов пустуют, уже три года длится засуха, даже кору и корни деревьев съели. Каким бы мастером боевых искусств ты ни был, без еды все равно умрешь.

Мэн Ци подумал, что это не обязательно.

Возможно, у шаманов Чу есть способ поглощать духовную энергию земли и неба. Разве не говорится в древних книгах: «На горе Миаогуе живет божественный человек. Кожа его бела, как снег, изящен, как девственница, он не ест зерна, питается ветром и росой»... И все же живет, не так ли?

Погодите...

Мэн Ци почувствовал что-то неладное. Кажется, он и лекарь — одного рода.

Что это за кожа, как снег? Значит, это не соевое молоко, а снег?

Мэн Ци взглянул на свою руку, представив это описание, и почувствовал, как у него свело зубы.

[Авторская ремарка: Верный поклонник Божественного лекаря Таинственной Тыквы Нин Чаньюань: Хм, скажу вам, господин Цинь в романах — это тот, кто покоряет мир и способен на все.

Спустя несколько лет:

Мо Ли, держа в руках толстую мышь: Учитель, я нашел себе подобного!

Господин Цинь, покоривший мир и способный на все: ...

Автор: Быстрее, пилюля защиты сердца!]

По традиции в первый месяц года устраивают танцы драконов и львов, чтобы, несмотря на бедность, было весело.

Здесь, на диком рынке, конечно, нет тех расписных львов и драконов с позолотой. Люди связывают старые, уже непригодные ткани, набивают их сухой травой и поднимают, чтобы танцевать.

Дракон криво двигался, выглядел некрасиво, но дети с восторгом бежали за ним, крича.

Не было барабанов и гонгов, поэтому люди брали старую посуду и стучали ею.

В других местах в это время обычно жгут бамбук, чтобы услышать звук взрывов.

Но здесь бамбук не растет, да и люди бедны, бамбуковые палки — полезная вещь, кто станет их тратить? В городе богатые семьи запускают фейерверки, выпускающие белый дым, но их здесь не купить. Раз уж не удалось отпугнуть злых духов и привлечь удачу, решили собраться вместе, взять свои инструменты и постучать.

Этот нелепый звук не был ни мелодичным, ни громким.

Смех и разговоры людей были громче, чем стук.

Мо Ли тоже вышел из дома и увидел того разноцветного, уродливого дракона, который криво завернул за угол впереди.

Мэн Ци уже давно стоял под навесом и смотрел. Он с отвращением смотрел на дракона, но ничего не сказал.

— Танцуют неплохо.

— Да, ничего.

Оба говорили неправду. Это был не танец дракона, а просто его ношение по улице.

У этого дракона не было гибких суставов из бамбука, и люди боялись двигаться слишком резко, чтобы он не развалился.

Случайные подъемы и опускания не были частью танца, а просто движениями рук тех, кто его нес. Со стороны дракон казался скованным, дергался как попало.

Очевидно, среди этих людей не было ни одного, кто умел бы танцевать дракона.

Но какая разница?

Тётушка Инь с плохим зрением с улыбкой говорила, какой дракон величественный, а мужчина на обочине уверенно заявил, что он справится лучше, закатал рукава, присоединился к процессии и взял шест дракона. Они кричали, пытаясь превзойти тех, кто шел впереди.

Дойдя до перекрестка, человек, несший драконий шар, громко запел:

— Желаем обильного урожая!

— Пусть в каждом доме будет мир!

Затем раздался дружный ответ. Сначала он был нестройным, но через несколько мгновений все, от мала до велика, запели в унисон.

Кто-то вытер слезу с лица, одиноко стоя под навесом.

Мо Ли увидел, что Цю Хун тоже была среди толпы. Она улыбалась, но глаза ее покраснели.

— Когда я был в Тайцзине, каждый год на праздник Фонарей устраивали фестивали. Драконий шар был покрыт светящейся краской, десятки больших драконов соревновались на сцене, повсюду слышались смех и аплодисменты. Дети сидели на плечах родителей, места у окон в ресторанах нужно было бронировать за месяц, а у драконов во рту были механизмы, которые позволяли им на мгновение выпустить пламя. Акробаты, держась за красные ленты, делали три красивых сальто... Фонари горели всю ночь до утра, это было так красиво.

Мэн Ци с грустью вздохнул.

Великолепие времен династии Чу осталось в прошлом.

— Сейчас в Тайцзине, наверное, тоже есть фестиваль фонарей.

— Не такой, как тогда, — покачал головой Мэн Ци. — После того как династия Ци захватила

власть, на праздник Фонарей больше не было фестивалей. Даже если в этом году император снял комендантский час, больше не будет музыкантов из Цзяннаня, виноградного вина с Западного края и жемчуга с Южных рубежей.

Династия Ци не смогла удержать соседние государства, сначала потеряв Цзяннань, а затем земли Чу.

Люди стали беженцами, и на праздник Фонарей уже не увидишь столько талантливых народных артистов.

— Вы долго жили в Тайцзине?

— С тех пор как стал государственным советником.

Мэн Ци помолчал, затем добавил:

— Мои воспоминания о прошлом очень смутные, но шум рынков и храмовых праздников кажется мне очень знакомым. Как и здесь, на диком рынке, утренние голоса, которые я слышу, словно видел во сне.

Мо Ли подумал, что Драконья жила Тайцзина, сколько бы лет ни потребовалось для ее воплощения, до этого, конечно, не была так изолирована, как он, живя в глухих лесах. Тайцзин был столицей многих династий, мирская роскошь сопровождала Драконью жилу во сне, звуки струнных инструментов не умолкали, бесчисленные стихи и песни, бесконечные рассказы о великолепии.

Сколько талантов тихо пели.

Сколько красавиц испытывали тоску.

В конце концов, война вспыхнула, и великолепие превратилось в пепел, город наполнился плачем и стенаниями.

Победители, пройдя через кровь, войдут в императорский дворец и займут трон.

Это цикл, и завтра потомки победителей станут сегодняшними побежденными.

День за днем, год за годом, что думала Драконья жила Тайцзина, пробудившись? Неужели Драконья жила не испытывала никаких чувств к людям, живущим на ней? Разве Мэн Ци, когда вместе с императором Юань из династии Чу усмирал мир, надеялся на мир и процветание?

— Договорились остановиться на три дня, но задержались здесь надолго. Завтра в это время мы уже уедем.

Мо Ли смотрел на дракона, проходившего мимо их дома. Время от времени кто-то подходил и здоровался с ним.

Так они получили еще несколько разных вещей, включая полмиски горячих клецок.

Клецки были сделаны из грубой муки, слегка желтоватые, без начинки, маленькие, плавающие в супе.

— Какой вкус? — спросил Мэн Ци, глядя на Мо Ли.

Мо Ли улыбнулся. Какой может быть вкус? В супе нет ни соевого соуса, ни соли.

— Попробуй сам, и узнаешь.

Мо Ли, держа миску, протянул Мэн Ци свою ложку.

Не то чтобы он не хотел найти другую, но в доме просто не было ложек, и эта миска с клецками вместе с ложкой была принесена кем-то.

Мэн Ци осторожно взял ложку.

На улице было холодно, и белый пар поднимался из миски, почти скрывая лицо собеседника.

Мэн Ци медленно съел одну клецку и через некоторое время сказал:

— Сладкая.

— Сахар дороже соли, его не купить, откуда взяться сладости? — Лекарь Мо усомнился в вкусовых ощущениях Мэн Ци.

— Попробуйте еще раз.

Мэн Ци спокойно зачерпнул ложкой еще одну клецку и поднес ее к Мо Ли.

Мо Ли с сомнением подумал, что если бы в супе был сахар, эту миску с клецками нельзя было бы есть, нужно было бы вернуть ее обратно. Возможно, эта семья сама не могла позволить себе такое, а отдала все им.

Он наклонился и проглотил клецку с ложки.

...Нет сладости.

Мо Ли с недоумением поднял голову и сквозь пар увидел улыбку в глазах Мэн Ци. Он был поражен.

Его обманули?

— Брат Мэн, не шутите.

— Я не шучу. Когда сердце радуется, все кажется сладким.

Мэн Ци помешал ложкой в миске, съел еще две клецки, и улыбка не сходила с его лица.

Мо Ли не рассердился и продолжил держать миску:

— Чему вы радуетесь?

— Этому моменту, этому месту, людям, которых вижу, и... вам, лекарь.

Мэн Ци поднял глаза, пар рассеялся, и его выражение лица заставило Мо Ли замереть.

Это радость от встречи с себе подобным?

Нет.

Этот взгляд был как у дикого зверя, увидевшего добычу, подумал лекарь Мо.

<http://bllate.org/book/15299/1351839>